

СОХРАНЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И УНИФИКАЦИЯ СЛОВАРНЫХ ФОНДОВ СОВРЕМЕННЫХ СКАНДИНАВСКИХ ЯЗЫКОВ

Характеристика словарных составов национальных языков – в том числе датского, норвежского и шведского, о которых пойдёт речь в этой статье, – обычно раскрывает этногенетические, культурно-исторические и коммуникативные сходства и различия в произношении, орфографии и семантике лексических единиц, помогающие определить языковые семьи, группы и диалектальные подгруппы.¹ Национальные скандинавские языки, входящие в северогерманскую группу индоевропейской семьи, возникли на основе большой общности племенных диалектов, важным показателем которой была лексика, заложившая основу словарного фонда современных скандинавских языков.

Лексикологи и лексикографы Северной Европы называют слова основного фонда «наследственными» [6]. К числу старейших слов (точнее – словарных единиц) многие этимологи относят однокоренные знаменательные слова, некоторые служебные слова (включая предлоги), а также ряд древних аффиксов.

Унаследованные знаменательные слова древнейшего происхождения имеют конкретную семантику, отражающую в форме представлений предметный или признаковый мир природы, внешние проявления человеческой активности, элементарные интеллектуальные и эмоциональные процессы, оценочные характеристики людей и обстоятельств их жизни. Эта семантика отражала в принципе только то, что как минимум было связано с жизнеобеспечением и мифологией. Общественная история в разные периоды и разными темпами расширяла этот минимум, совершенствуя механизмы взаимопонимания и межкультурной коммуникации при помощи лексических заимствований и калькирования, а также индивидуального словотворчества. Заимствования не были простым перенесением слов из одних языков в другие; в большинстве случаев звуковая (а позже и письменная) форма этих слов изменялась, но в то же время и сохраняла соответствие форме заимствуемых лексических единиц.

Основной фонд современной скандинавской лексики распределён по культурно-историческим пластам на основе звукового и семантического соответствия входящих в него слов. Древнейшим является пласт лексики индоевропейского происхождения. Он начал возникать примерно девять тысяч лет тому назад в результате прямых и опосредованных контактов германских племён с индоиранской, греко-романской и кельтской культурами и вобрал в себя названия лиц, имена родства, слова, относящиеся к земледелию и скотоводству, обозначения орудий труда, животных, растений, элементов ландшафта, названия небесных тел, метеоявлений, частей человеческого

¹ См. например [1-5].

тела, а также признаков, воспринимаемых зрением, слухом, обонянием, осязанием, вкусом. Обозначение человеческой активности фиксировало элементарные процессы потребления и производства, простейшие физические и духовные движения и состояния. Сохранились в современном языке и некоторые древнейшие числительные (для счета от одного до десяти). В современном общескандинавском словаре сохраняются этимологические соответствия имен некоторых мифологических персонажей античности.

Количественную и семантическую неполноту индоевропейских лексических обозначений предметов и признаков объективного (и субъективного) мира в известной мере восполнил общегерманский словарный пласт, насчитывающий около 2000 единиц. Его образование в скандинавской лексике началось, очевидно, еще в начале нашей эры, о чем свидетельствуют античные источники и рунические надгробные надписи магического назначения. Но основную часть этой скандинавской лексики составили слова, возникшие в период объединения племен в народности в связи с появлением феодальных отношений и принятием христианства (прим. IX – XIII века).

Семантическое развитие скандинавского лексикона до XIV века происходило за счет новых слов, обозначающих жилище, его части, продукты питания, простейшие орудия и утварь, названий животных и птиц, растений и их частей. Общегерманскими неологизмами стали в это время слова, связанные с жизнью у моря и мореходством, а также с общественной, мифологической и христианско-религиозной сферой. В общегерманскую лексику племенных диалектов вошли имена языческих богов, названия дней недели и др. В XIII веке германская лексика получила латинскую письменную форму, и более поздние нижненемецкие неологизмы нашли применение в местных законах и церковной литературе. Среди неологизмов XIV – XVI веков имеется большое количество конкретных нижненемецких слов, обозначающих новые для того времени представления из области быта, ремесленного производства, строительства, архитектуры, военного дела, торговли, социальных связей и др. Важнейшим пополнением скандинавского лексикона стали нижненемецкие абстрактные существительные и прилагательные, а также глаголы, связанные не только с физическими, но и с относительно сложными ментальными действиями. С развитием письменности развивается и словообразование путем аффиксации и словосложения.

Сравнительно небольшим по объему был пласт общескандинавских слов, отличающихся от индоевропейской и германской лексики. Это были в основном слова, обозначающие некоторые природные объекты, элементы ландшафта, названия частей растений, а также названия животных, рыб и простых физических и ментальных движений. Специфическими были некоторые личные местоимения.

Исторически значение отдельных германских языков в их отношениях между собой было различным. Норвежские переселенцы эпохи викингов (IX – XI века) заложили основы будущих островных скандинавских языков – исландского и фарер-

ского. В раннем Средневековье скандинавская лексика, наряду с французской, оказала определенное влияние на словарь древнеанглийского языка. В период Кальмарской унии (XV – начало XVI века) датский язык стал посредником в распространении усвоенный им немецкой лексики на территории Норвегии и Швеции. Роль посредника в отношении норвежского словаря датская лексика продолжала выполнять и впоследствии, когда Норвегия в XVI – XVIII веках находилась в административном подчинении Дании.

Уже нижненемецкая лексика включала в себя немало заимствований из романских языков, в частности – из латыни. Большинство из них относилось к торговле, товарам бытового потребления, строительным материалам и объектам, а также к христианской религии и церкви. В XVII веке распространились латинские слова из области просвещения, некоторые интернациональные научные термины. Но больше всего в лексике скандинавских языков эпохи Просвещения оказалось французских заимствований. Они были связаны с политической жизнью, дипломатией, военным делом, театральным искусством, бытовым устройством, предметами обстановки, кулинарией, одеждой и др.

Во второй половине XIX – первой половине XX века в скандинавских странах происходит ускорение капиталистической индустриализации, которая влекла за собой демографические сдвиги, изменение образа жизни больших групп населения, установление буржуазных демократий, имеющих сходные законы и обычаи, системы политических партий. После Второй мировой войны укрепляются хозяйственные связи этих стран, сближаются общественно-политические порядки. В 1953 году создается Северный Совет, рекомендательный орган, координирующий деятельность скандинавских государств в области мирного международного сотрудничества, а также в сфере законодательства по вопросам права, социального страхования, здравоохранения, культуры, науки, народного просвещения. Выполнение этих рекомендаций с 1971 года организуется и контролируется Северным Советом министров и рядом других учреждений. В социолингвистическом плане важно отметить, что граждане Северной Европы свободно, без виз, передвигаются и проживают, на равных правах трудоустраиваются и обеспечиваются социальными пособиями в пределах всех скандинавских стран и Финляндии. Все эти процессы непосредственно отражаются на развитии скандинавской лексики, на степени ее сходства. Внимание общественности всё больше привлекают вопросы орфографии и произношения неологизмов, унификации их семантики и употребления.

Новое время, эпоха гуманизма и просвещения, положило начало нормативному упорядочению национальных литературных языков. Стихийное формирование словаря в феодальный период лишь иногда нарушалось инструкциями королевских канцелярий и церковным контролем за переводами библейских текстов. В Новое время к стандартизации лексикона, его «очищению» от излишних иноязычных слов начина-

ют подключаться также лингвисты, филологи и писатели «панскандинавской» культурной ориентации. В XIX веке в Северной Европе составляются грамматики и словари, вырабатываются орфографические правила и впервые ставится вопрос об унификации скандинавских языков.

В XX веке, особенно после Второй мировой войны, проблемы орфографических реформ и унификации скандинавских языков выносятся для обсуждения и решения на государственный и полуофициальный уровень. В 50-е годы в Дании, Норвегии и Швеции возникли «языковые комитеты», с 1954 года проводившие ежегодные конференции по лингвистическим вопросам. В 1978 году их деятельность стал направлять Североевропейский языковой секретариат, который в 1997 году был преобразован в Североевропейский языковой совет, а в 2002 году передал свои полномочия новой организации – «Северные языки плюс». Созданная по решению Северного Совета, она работает под руководством Северного Совета министров. Большое практическое значение приобретают также объединения, занимающиеся унификацией научной и технической терминологии. Все эти организации осуществляют так называемое языковое планирование, направленное на развитие и кодификацию скандинавской лексики, на сближение литературных языков и диалектов, разговорного и книжного стилей. Одной из задач является охрана лексических фондов скандинавских стран от ненужных заимствований.

В изучении перечисленных проблем и в подготовке соответствующих рекомендаций участвуют все научные центры и вузы Северной Европы, а также отдельные лингвисты. Языковые советы публикуют результаты своих исследований в собственных научных изданиях («Språk i Norden», «Språk-nytt» и др.). Выработанные ими рекомендации используются в преподавании северных языков в школах и вузах, при подготовке материалов в СМИ и т.д. Особую актуальность эта работа приобрела в Норвегии, где с XIX века существуют два литературных языка, один из которых, современный «букмол», имеет датские книжные корни, а другой, современный «нюнорск», сохраняет многие черты местных диалектов.

В Новое время, особенно в XIX и XX веках, развитие науки, художественной литературы, театра, журналистики, а затем революция в области информационных технологий и образования приводят в Европе и Америке к углублению интеллектуализации словарных фондов и их пополнению новыми средствами идейно-эмоциональной оценки. Об этом свидетельствует появление новых терминов, относящихся не только к фактологическим, но и номологическим и териологическим объяснениям, а также слов с новыми оценочными коннотациями и метафорическими, метонимическими и символическими значениями. В современном скандинавском лексиконе эти слова и значения нередко имеют иностранное происхождение.

Одной из самых насущных проблем развития современного словарного состава скандинавских языков считают его интенсивное пополнение за счет английских за-

имствований. В словаре неологизмов «Nyord i svenskan från 40-tal till 80-tal» [7], опубликованном в Швеции в 1986 году, 24% из 7500 лексем приходится на заимствования из английского языка. Примерно тот же процент английских заимствований получили норвежские исследователи, исходившие в своих расчетах, судя по всему, из общего состава национальной лексики в 100 тыс. единиц [8]. В известных норвежских словарях 1986 года *Vokmålsordboka* и *Nynorskordboka* (соответственно 65 и 90 тыс. единиц) английские заимствования, в том числе и неновые, составляют 10% и 12%. В норвежском словаре иностранных слов Берульфсена и Гундерсена (с 1953 по 2000 год вышло пятнадцать изданий) отмечается удвоение числа английских заимствований.

Важно указать, что значения заимствованной английской лексики распределяются в современных скандинавских языках по сходным семантическим полям: судоходство, экономика, финансы, торговля, реклама, спорт, бытовая электроника, компьютеры и их обслуживание, Интернет и, наконец, все, что связано с так называемой молодежной культурой: еда, напитки, модная одежда, музыка, танцы. В Дании, Норвегии и Швеции английские заимствования либо употребляются в исходной форме (английский стоит на первом месте среди языков, изучаемых в общеобразовательных школах и вузах), либо получают в устной и письменной речи иную, скандинавскую форму произношения и написания. Упомянутый выше словарь неологизмов включает, кроме английских, и другие иноязычные заимствования (романские, немецкие и др.), но они малочисленны и являются, в основном, экзотизмами.

Сохранение исторически сложившегося лексикона при неизбежном выпадении из него устаревших слов, развитие этого лексикона за счет заимствований, имеющих преимущественно интернациональную семантику, сознательные усилия властей и ученых, направленные на сближение фонетики, орфографии и семантики лексических фондов литературного языка и диалектов в каждой из скандинавских стран и, по возможности, в масштабе всей Северной Европы привели к значительному сходству современного лексического состава в языках этих стран. Редактор изданного в 1994 году «Скандинавского словаря» Биргитта Линдгрэн указывает, что словарные соответствия скандинавских языков составляют примерно 80-90%, а семантические расхождения, следовательно, всего около 10-20%.² Примеры слов, включенных в «Скандинавский словарь» [9], иллюстрируют эти расхождения, позволяющие говорить о межъязыковой синонимии: *sv. tjej, da. pige, no. jente (девушка); sv. vispgrädde, da. flødeskum, no. krem (взбитые сливки)*.³

Опыт речевого общения между норвежцами, шведами и датчанами в неспециальных областях и перевод с одного скандинавского языка на другой показывают, что подобные расхождения в лексике не препятствуют взаимному пониманию, хотя фо-

² См. «Språknytt», jan. 1995, s. 6.

³ В основном в статье приводятся примеры из норвежского языка, поэтому отсутствие пометы равнозначно помете *no.* (норв.). Все шведские и датские примеры сопровождаются пометами *sv.* (швед.) и *da.* (дат.)

нетические особенности и «ложные друзья переводчика» иногда могут затруднить это понимание. Норвежский исследователь Эйвинд Мауруд выявил уровень взаимного понимания носителей трех языков в процессе устной и письменной коммуникации путем эксперимента [10]. Вот какие результаты он получил:

- датский письменный язык в Норвегии	– 93,1%;
- норвежский письменный язык в Дании	– 88,9%;
- норвежский письменный язык в Швеции	– 86,4%;
- шведский письменный язык в Норвегии	– 89,1%;
- датский письменный язык в Швеции	– 68,7%;
- шведский письменный язык в Дании	– 68,9%;
- датский устный язык в Норвегии	– 72,8%;
- норвежский устный язык в Швеции	– 48,3%;
- шведский устный язык в Норвегии	– 7,6%;
- датский устный язык в Швеции	– 22,8%;
- шведский устный язык в Дании	– 42,8%.

Приведенные данные убедительно подтверждают сведения о 80 – или даже 90-процентной общности словарных составов современных скандинавских языков и подчеркивают значение этой общности для внутри-региональной коммуникации и укрепления межкультурных связей в Северной Европе. Более низкий уровень взаимопонимания в устном общении связан не с семантикой слов, а с непривычным для многих участников экспериментом произношения знакомых слов.

Важное подтверждение большой общности скандинавского словарного фонда и ее культурного значения мы находим в работе Берит Хольмквист, посвященной переводу романа норвежского писателя К.Флэгстада на шведский язык [11]. Значительное большинство сопоставляемых автором статьи слов имеет сходную форму и эквивалентное значение: *no. tak* – *sv. tak* (*крыша*); *no. igjen* – *sv. igen* (*опять, снова*); *no. rød* – *sv. röd* (*красный*); *no. reke* – *sv. reka* (*указывать*) и т. д. Немало слов в романе имеют различную форму, но эквивалентное значение: *no. bedrift* – *sv. företag* (*предприятие*); *no. traust* – *sv. stabil* (*стабильный*) и т. д. Однако главную проблему при переводе с одного скандинавского языка на другой представляют так называемые «ложные друзья переводчика» в тех случаях, когда:

1) слова имеют одинаковую форму, но разное значение и, соответственно, разные синонимы:

no. rolig (*спокойный*) – *sv. rolig* (*забавный*);

sv. lugn (*спокойный*) – *no. morsom* (*забавный*);

2) многозначные слова одного языка имеют несколько соответствий в другом языке:

no. is (*лёд, мороженое*) – *sv. is* (*лёд*), *glass* (*мороженое*);

no. gro (*расти, заживать*) – *sv. gro* (*расти*), *läkas* (*заживать*);

з) слова имеют одинаковую форму, сходное значение, но разную стилевую окраску и контекстуальную сочетаемость:

no. spørsmål (*вопрос*) – обычное, нейтральное слово;

sv. spørsmål (*вопрос*) – устаревшее слово;

no. jente (*девушка*) – обычное, нейтральное слово;

sv. jånta (*девушка*) – необычное, диалектальное слово;

no. dame (*дама*) – обычное слово, называющее девушку, взрослую женщину (дети могут называть ее «тетя»), элегантную женщину;

sv. dam (*дама*) – жаргонное название девушки, нейтральное название взрослой женщины, чаще всего элегантной.

Таким образом, проблема сходства скандинавских слов и их выбора значительно осложняется в процессе художественного перевода из-за «ложных друзей переводчика».

Скандинавские языковые комитеты и отдельные лингвисты, занимающиеся планированием сохранения, развития и унификации словарных фондов, обращают внимание не только на соблюдение орфографических норм в письменной речи и фонетических правил в устной. Они активно разрабатывают и распространяют конкретные рекомендации относительно употребления скандинавской и заимствованной лексики. Эти рекомендации опираются на исследования современных тенденций семантического отбора слов в художественной и нехудожественной литературе (интеллектуализация, углубление понятийности, с одной стороны, и эмоциональная оценочность, метафоричность, символичность и разговорная интимизация – с другой).⁴ Вместе с тем многие лингвисты в странах Северной Европы успешно изучают использование лексики в повседневном общении и СМИ. В частности, изучаются и широко рекомендуются в популярных лингвистических изданиях лексические замены типа эвфемизмов и переводы английских слов, часто употребляющихся в устной речи и в СМИ, на скандинавские языки.

Большое количество эвфемизмов, вошедших в скандинавские словари, выступает как «щающаяся» лексика. Так, вместо *lik* (*труп*) предлагается употреблять *den døde* (*умерший*). Опасные болезни, такие как рак (*kreft*), сумасшествие (*galskap*), рекомендуется называть научными терминами: *celleveysforandringer* (*изменение клеточной ткани*), *psykose*, *schizofreni*, а людей с врожденными физическими недостатками (*da. krøbling*, *no. krøpling*, *sv. krympling* – *калека*; *misfoster* – *урод*) в Северной Европе уже около пятидесяти лет называют словами *invalid*, *handikappet*, *funksjonshemmet* (*инвалид, человек с ограниченными функциями*). Изменилась и лексика, связанная с социальным обеспечением престарелых: *gamlehjem* (*дом для стариков*) давно переименовано в *aldershjem* (*дом для людей в возрасте*). Наконец, груб. *dass* (*сортир*) прочно

⁴ См. об этом, например, в сборнике «Ordene og verden». Oslo: Universitetsforlaget, 1967, 162 s., а также «Språknytt», febr. 1997, s. 8-10.

заменено словами toaletrom, WC (*туалет, уборная*). Надо отметить, что в словарь еще не включены новейшие журналистские эвфемизмы, связанные с так называемой «политкорректностью».

Заемствования из английского языка прочно вошли в скандинавский словарный фонд еще в первой половине XX века. Это были слова, относящиеся преимущественно к области техники. Многие из них имели причудливую «усеченную» форму: bil вместо automobil, trikk (*трамвай*) вместо electric tramcar, radio вместо radio set и radio station, teve вместо television, televisior. Правда, тогда встречались и кальки: английское слово broadcasting превратилось в норвежское kringkasting (*радиовещание*), тогда как в шведском и датском вариантах слова с этим значением были ближе к немецкому образцу. После Второй мировой войны английские технические термины сами приобрели сокращенную, часто инициальную форму и в такой форме и заимствовались: radar (*40-е годы*), laser (*60-е*), moped (*70-е*), modem (*70-е*). В Скандинавии продолжалось, однако, и собственное сокращение английских терминов: faks вместо telefax, mobil вместо mobile telephone и др. Некоторые заимствованные слова из других областей имели сокращенную форму: aids, hiv (*снуд*), AD (*art director – художественный директор в театре, в рекламном бюро*) и т. д.

О расширении использования английских слов в деловом, официальном и бытовом общении свидетельствуют рекомендательные списки в лингвистических изданиях, предлагающие адекватную замену этих слов скандинавскими. Вот некоторые из рекомендуемых норвежских переводов:

- acces – tilgang (*доступ*)
- acces code – tilgangskode (*код доступа*)
- account manager – kundeleder (*менеджер по работе с клиентами*)
- aircondition – klimaanlegg (*кондиционер*)
- all-rounder – altmuligperson (*мастер на все руки*)
- attachement – vedlegg (*приложение*)
- audition – prøvespill (*просмотр, прослушивание при первом исполнении или выборе исполнителя*)
- backing – støtte, hjelp; akkompagnement (*поддержка, помощь, музыкальный аккомпанемент*)
- booking – bestilling, reservasjon (*заказ, резервирование*)
- calling – dørtелефон (*домофон*)
- carport – åpen garasje (*открытый гараж, бокс*)
- copyright – opphavsrett (*авторское право*).

Еще более прихотливым кажется употребление английских слов в разговорной речи скандинавских школьников и студентов. Исследователи молодежного сленга в Швеции, Норвегии и Дании сообщают, что в собранных ими материалах доля английских слов составляет 15 процентов. Чаще всего это такие слова, как party в значе-

нии «fest» (*праздник*), nerd в значении «rar, uinteressant person» (*странный, неинтересный человек*), crazy – «gal, rar» (*сумасшедший, чудной*), happy – «glad, lykkelig» (*радостный*), cash – «kontante penger» (*наличные – суц.*), money – «penger» (*деньги*), babe – «jente» (*фам. девочка*), bitch – «tøs» (*девка*), ugly – «stygg» (*отвратительный*), boring – «kjedelig» (*скучный*), hip – «moderne» (*современный, классный*), fatso – «tykk person» (*толстый, жирный – суц.*), sure – «sikkert» (*конечно, наверняка*).

Анализ семантики английских заимствований показывает, что часть из них появилась в результате общения скандинавских специалистов с англоязычными партнерами в транснациональных компаниях, международных организациях и т.п. Однако некоторая часть английских заимствований представляет собой модные жаргонизмы, отражающие фамильярное, иногда шутливое отношение молодежи к предмету речи. Учитывая значительный рост употребления английской лексики в самых разных сферах речевой коммуникации, языковые комитеты североевропейских стран выступают за сохранение скандинавских словарных фондов и призывают к такому развитию этих фондов, которое могло бы обеспечить их дальнейшую региональную унификацию и повышение культуры их употребления, соединяющей национальные традиции с духовными запросами современности.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. *Стеблин-Каменский М. И.* История скандинавских языков. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 340 с.
2. *Маслова-Лашанская С. С.* Лексикология шведского языка. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. – 208 с.
3. *Берков В. П.* Норвежская лексикология. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. – 186 с.
4. *Берков В. П.* Современные германские языки. – М.: АСТ, 2001. – 336 с.
5. *Vikør L. S.* The Nordic Languages. – Oslo: Novus Press, 1993. – 244 p.
6. *Bjørvand H., Lindeman F. O.* Våre arveord. – Oslo: Novus Forlag, 2000. – 1142 s.
7. *Nyord i svenskan från 40-tal till 80-tal.* – Stockholm: Esselte Studium, 1986. – 306 s.
8. *Graedler A. - L., Johansson S.* Anglismeordboka. – Oslo: Universitetsforlaget, 1997. – 250 s.
9. *Norstedts skandinaviska ordbok / utarb. av B. Lindgren, S. H. Bruland, A. Karker, S. Løland.* – Stockholm: Norstedts, 1994. – 360 s.
10. *Maurud Ø.* Nabospråksförståelse i Skandinavia. – Stockholm: Nordiska rådet, 1976. – 200 s.
11. *Holmqvist B.* Vad man bör veta när man översätter Kjartan Fløgstad. – Stokholms universitet, 1984. – 89 s.